

Виталий Рогинский,

ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР, РУКОВОДИТЕЛЬ
КЛИНИКИ ДЕТСКОЙ
ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ
ХИРУРГИИ И СТОМАТОЛОГИИ
МИНЗДРАВА РФ

Эффект на лицо

Российские медики предлагают таблетку вместо скальпеля

В Русфонд все чаще пишут: вместо того чтобы оплачивать лечение отдельных детей, лучше бы занялись финансированием медицинской науки. Наверное, отвечаем мы, каждому свое: пусть государство развивает науку, а филантропы творят благо для отдельных людей. Но вот оказывается, что, помогая больным детям, мы с вами, дорогие друзья, в то же время и науку двигаем, участвуем в создании новых методов лечения. Об этом ВИТАЛИЙ РОГИНСКИЙ рассказывает специальному корреспонденту Русфонда ВИКТОРУ КОСТЮКОВСКОМУ.

Клиника Рогинского началась в 1991 году с создания в Центральном НИИ стоматологии и челюстно-лицевой хирургии детского отдела, а затем и центра под руководством Виталия Владиславовича. С 2011 года это крупная клиника со своим шестиземельным корпусом в составе НИИ. Русфонд сотрудничает с этим коллективом с 2005 года, у нас есть совместная программа «Челюсти». Только в 2012 году наши читатели оплатили диагностику, лечение и реабилитацию 135 детей с врожденными и приобретенными дефектами и деформациями черепно-лицевой области.

— Виталий Владиславович, ваша лекция на VII съезде педиатров России 16 февраля вызвала большой интерес, она касалась гемангиом — одной из самых частых патологий у детей... Именно что только касалась. Потому что мы доказали: в подавляющем большинстве это никакие не гемангиомы. Гемангиомы — это доброкачественные опухоли. Наш 20-летний опыт показал, что из огромного количества патологических образований, которые привычно называют гемангиомами, на самом деле опухольничит ничтожно мало: где-то от 2 до 4 процентов. А в большинстве случаев это гиперплазия — опухолеподобные разрастания тканей кровеносных сосудов. Ставками патологиями рождаются в среднем каждый 100-й ребенок. — Это только вопрос классификации?

— Ваше «только» звучит как «все-навсего». А ведь без правильной классификации нет ни науки, ни эффективной практики. Наша мультидисциплинарная группа создала новую классификацию сосудистых поражений челюстно-лицевой области. Она получает все большее признание в мире, хотя без споров не обходится. Спорят в основном те, кто не умеет или не может лечить по-новому. Не столько лечат, сколько калечат. Если патологическое образование называется опухолью, то ведь его и лечат как опухоль, то есть почти всегда в той или иной степени уродуют человека, а тут ведь речь о его лице! — А как лечат гиперплазии?

— Я вас удивлю: таблетками. А теперь удивлю еще больше: может быть, даже никак! Да, в значительной части случаев нужно только наблюдать за пациентами с гиперплазией, следить за тем, как она проходит сама. Надо быть готовыми на любое вмешательство. Теперь о таблетках. Это началось, можно сказать, с курьеза. В 2008 году во Франции, в госпитале Бордо, лечили ребенка с гемангиомой. Лечили гормонами, и у него началась аритмия. Ему дали сердечное лекарство — так называемый бета-блокатор пропранолол. На другой день «опухоль» (не забывайте ставить кавычки!) победела, а потом стала сокращаться и с течением времени вовсе исчезла. И сейчас во всем мире лечение «детских гемангиом» (а на самом деле гиперплазий) пропранололом считается терапией переднего края. С него надо начинать.

— Но ведь вы хирург. Оставляете себя и своих коллег без работы? Катя, а если это все-таки опухоль — из тех самых «от 2 до 4 процентов»?

— Вот правильный вопрос! Конечно, сначала надо поставить верный диагноз. Мы используем капилляроскопию, совершенно новый метод, ранее не применявшийся нигде в мире. То есть он как таковой существовал, но никто не додумался использовать его для диагностики и мониторинга больших с сосудистой патологией. Теперь это самый интересный и эффективный метод, которым мы владеем и которым гордимся. А хирургам в нашей клинике работы хватает! В ряде случаев и очаги гиперплазии можно удалить хирургическим методом. Но особенно актуально это для остаточных (резидуальных) форм гиперплазии.

— Что дает вам сотрудничество с Русфондом? Вы работаете в государственной клинике — значит, лечите детей за счет государственного бюджета?

— Государство в самом деле оплачивает лечение, и с каждым годом все в большей степени. Но при этом всегда остается что-то, требующее дополнительных средств. Как правило, это диагностические процедуры, мониторинг в процессе лечения и т. д. Когда мы выставляем счет на лечение ребенка, мы учитываем именно это «что-то», а не всю цену, львиную долю которой покрывает государство. И это во всем мире так: госбюджет и пожертвования в медицине соседствуют и дополняют друг друга. А уж когда речь идет об исследованиях, внедрении новых методов, как у нас, эти дополнительные расходы, которые покрывают наши читатели и телезрители, просто бесценны.

ВСЕ СЮЖЕТ
rusfond.ru/kolonka

Москва примет Мишу Анисимова в марте

15 февраля в «Б», на сайтах rusfond.ru, «Эхо Москвы», livejournal.com и Здоровье@mail.ru мы рассказали историю 12-летнего Миши Анисимова из Тверской области («Тачский для жизни», Валерий Панюшкин). У Миши детский церебральный паралич. Мышцы рук, ног, языка постоянно находятся в сильном тонусе. Мальчику поможет баклофеновая помпа. Она вживляется в брюшную полость, соединяется с позвоночником и доставляет снимающий спастичность препарат баклофен напрямую в спинномозговую жидкость. Помпа и операция обойдутся в 1,2 млн руб. Таких денег у Анисимовых нет. Рады сообщить: вся сумма собрана. Мишины родители благодарят за помощь. Примите и нашу признательность, дорогие друзья! Мы следим за развитием событий.

Всего с 15 февраля 36 535 читателей «Б», rusfond.ru и телезрителей проекта «Русфонд на Первом» испробовавшие помогли (6 741 511 руб.) 12 тяжело-больным детям.

Спасибо, дорогие друзья!
полный отчет
rusfond.ru/sdelano

Высокотехнологичная железзяка

Кате Поповой нужно раздвинуть позвонки

Девочке пять лет. У нее совершенно правильная, прямая, ровная спина. Но это потому так, что девочка носит корсет и в позвоночник ей вставлена высокотехнологичная железзяка VERTR. Полтора года назад у Кати был горб, а теперь нету. Это была сложная операция, и ее оплатило государство. Проблема только в том, что девочка растет и железзяку надо раздвигать время от времени. Это тоже сложная операция. Первый раз Катю было раздвигать в июле прошлого года. Государство, отдадим ему должное, оплатило и это. Теперь надо раздвигать в апреле-мае. Но на этот раз государство говорит, что у него нет денег. То есть, может быть, будут, а может быть, не будет — ждите. А ждать нельзя.

Катя не знает, что у нее искривление позвоночника. Она же никогда не видела себя со спины и уж тем более не видела своих рентгеновских снимков. Года в полтора, когда девочки начинают вертеться перед зеркалом, искривление было почти незаметно внешне, настолько незаметно, что даже доктор в поликлинике в качестве терапии советова Катиным родителям «напоминать, чтобы держали спинку ровно». Это оказалась не очень действенная терапия. Искривление прогрессировало. Но изменения происходили так медленно, что Катя не замечала их, вертеться перед зеркалом. А родители молчали, не хотели пугать.

И Катя не поняла даже, что ей сделали три операции. Ну, ездили в Новосибирск из Томска. Ну, лежали там в больнице. Ну, приходил, конечно, доктор, но доктор не делал больно, а больно делала медсестра. Это ведь медсестры делают уколы. Поэтому Катя медсестрам Катю относится с опаской, а к докторам просто с подозрением.

Там, в больнице, Катя много раз засыпала и просыпалась в окружении привычных своих плюшевых медведей. И однажды она не заметила, что, пока она спала, в спину ей вставили высокотехнологичную железзяку. А мама предпочла не объяснять.

Зато мама объяснила Кате, что вот доктор полечил ей спину и теперь, пока спина заживает, много чего нельзя. Нельзя, например, бегать и прыгать. Нельзя падать. (Катя однажды не послушалась, упала и сломала

В больнице Катю много раз засыпала и просыпалась в окружении своих плюшевых медведей. И однажды она не заметила, что, пока она спала, в спину ей вставили высокотехнологичную железзяку. А мама предпочла не объяснять.

Довольно много времени уходит у Катини мамы на то, чтобы разбирать все эти противоречивые медицинские предписания ситуации с девочкой и детсадовским персоналом. Но получается объяснять.

Медицинские проблемы настолько находятся вне Катиних интересов, что даже со своими плюшевыми медведями девочка играет в торжественные чаепития, в школу и в магазин, а в доктора почти не играет. Тем более что у плюшевых медведей нет позвоночника, и играть с ними в склозис совершенно невозможно.

Разумеется, однажды придется девочке все объяснить. Я бы, честно говоря, начал объяснять все сразу в меру понимания ребенка. Говорил бы про горбик, когда горбик стал появляться. Говорил бы про операцию, когда ее сделали. Говорил бы про высокотехнологичную железзяку, вставленную в спину. Будет как-то, девочка не легко будет осознать все это сразу, когда она подрастет и во время очередной поездки в Новосибирск догадается наконец, что в больнице не только медсестра делает уколы, но и доктор тоже делает же что-то, пока Катя спит.

Мне кажется, Катини маме трудно будет объяснить девочке все сразу. Но это не мое дело. Они сами как-нибудь разберутся. Переживут как-нибудь вместе.

КАК ПОМОЧЬ ДЛ Я СПАСЕНИЯ КАТИ ПОПОВОЙ НЕ ХВАТАЕТ 822 803 РУБ.

Заведующий клиникой детской и подростковой вертебрологии Новосибирского НИИТО Михаил Михайлович рассказывает: «У девочки врожденный кифоз — неправильно развитый позвонок приводит к тому, что позвоночник постепенно складывается пополам. Если бы мы вовремя не остановили этот процесс с помощью инструментальной VERTR, последствия были бы ужасающими — у Кати могли развиться множественные осложнения. После установки раздвижной металлоконструкции девочка хорошо себя чувствует, нормально развивается. Но пока Катя растет, необходимо удерживать позвоночник в правильном положении, а когда рост закончится, зафиксировать его. Этапные операции по раздвижению конструкции нужно повторять не реже чем каждые шесть-восемь месяцев. Неделшево, но другого выхода нет».

Клиника НИИТО выставляла счет на следующие пять корректирующих операций на 822 803 руб. У Катиних родителей так денег нет.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Катю Попову, пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в благотворительный фонд «Помощь» (учредители издательский дом «Коммерсантъ» и руководитель Русфонда

Лев Амбиндер) или на банковский счет Катини мамы — Светланы Федоровны Поповой. Все необходимые реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Экспертная группа Российского фонда помощи

Лев Амбиндер) или на банковский счет Катини мамы — Светланы Федоровны Поповой. Все необходимые реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Экспертная группа Российского фонда помощи

Конвертация сирот

Точечная застройка

ИЗ ЖИЗНИ НЕЗАМЕНИМЫХ

Русфонд продолжает публикации о людях, которые жертвуют деньги на благотворительность, а иногда и что-то большее, чем деньги. Мы стараемся ответить на два вопроса: почему сильный помогает слабым и почему так поступают не все? Сегодня писатель ИГОРЬ СВИНАРЕНКО рассказывает о том, что бизнес бывает эффективным, даже не принося прибыли.

Один человек — назовем его Димон — в какой-то момент стал давать деньги, и не малые, на сирот. Делал он это тайком. В открытую ему было как стыдно.

Первое, что приходит на ум, — он сам сирота и вот на автомате помогает таким же. Но у него другая ситуация. Отца Димон потерял, когда был довольно взрослым парнем. Но потеря далась ему тяжело. Иногда он представлял, что если бы такое случилось раньше на десять лет, например, то чувствовал бы он себя совершенно несчастным.

И вот по этой цепочке Димон и поблагодарил сиротского проекта. Сначала он просто давал деньги своему порученцу, и тот как-то их тратил в ближайших детдомах. Поскольку все знали, что с Димоном не за-

будешь, никто даже и не думал чего-то «отпилить» по пути. Димон в глубине души был доволен собой, и так довольно долго. Но потом ему стало казаться, что он просто откупается от своих комплексов.

Стало ясно, что надо придумать новую схему. И он ее так придумал, как всегда. Кто застрелал на старых схемах, тех уж почти всех унесло на обочину. Новая схема была такая: подобрать детям приемные семьи и покупать им дома, чтоб жили как люди.

Это уже был другой уровень. На первый взгляд другой. А на самом деле ничего не поменялось. Что так, что этак — даются деньги и тратятся. Пусть даже и большие.

Но ведь ответственность другая? И контроль какой нужен? Ну так к ответственности сотрудникам Димона не привыкать. Шаг влево, шаг вправо — и люди имели очень бледный вид, он человек простой, в Гарварде не учился, и папаша его был простой работник, а жизнь начиналась в рабочем поселке, где все жестко.

Но был там вопрос, который строгостью не решишь. Вот эти усыновители, они, может, денег просто решили поднять на настоящий бизнесмене? Который размяк от доброты и потерял чутье, ослабил хватку? Ага, как же, потерял, ждите. Димон, как всякий человек, который стал успешным

в наших непростых условиях, давно приобрел такое качество, как умение видеть человека насквозь, ну пусть не с первого взгляда, но уж после пятиминутного разговора так точно. Все сознательное приводили к нему. Каждой паре, которая прошла такую вот пятиминутку правды, давался дом, с участком, чтоб было, где воспитывать трудовые навыки и кормиться. И — некое пособие в дополнение к казенному. Но и тут тоже учет и контроль. Люди Димона наезжали внезапно, и даже непонятно, какая цель главней — подарки завести или проверить на вшивость.

Димон размышлял об этих домах и отмечал, что и это направление его бизнеса теперь идет нормально. Поставил задачу — решил. Бизнес тут не в смысле товар — деньги — товар, а бизнес как занятие, как способ провести время жизни, превратить хаос в осмысленный порядок хоть на своем маленьком огороде.

— Вот что такое эффективный бизнес! — как-то сказал Димон, отвечая на вопрос про это свое направление. И с этим трудно спорить...

полная версия
kommersant.ru/1964,
rusfond.ru/svinarenko

Из свежей почты

Ангелина Ставрова, 7 лет, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 193 400 руб.

Ангелина родилась бездыханной. При выписке нас ни о чем не предупредили, но уже в четыре месяца стало ясно: с дочкой беда. Год я рыдала, потом взяла себя в руки. В каких только медцентрах мы не были! Ангелина не ходит и не говорит, руки плохо действуют. Интеллект при этом сохранился! Общаемся жестами. И вот блеснула надежда: я узнала, что в Институте медтехнологий (ИМТ) таких детей поднимают на ноги. Мы приложили все силы, чтобы оплатить два курса лечения в ИМТ, больше денег не достать. Ангелина теперь держит голову, окрепла и научилась ползать, подтягиваясь на руках. Наконец-то я услышала: «Мама!» Если у вас есть возможность поддержать нас хоть небольшой суммой — помогите нам. Я сейчас в декрете со второй дочерью, муж работает на железнодорожной станции. Оксана Ставрова, Архангельская область.

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Да, улучшилась мелкая моторика, уменьшилась спастика. Надо развивать речь Ангелины, научить девочку ходить. Это реально. Прерывать терапию нельзя».

Рита Дашнева, 6 лет, несовершенный остеогенез, спасет курсовое лечение. 180 тыс. руб.

Внимание! Цена лечения 280 тыс. руб. Компания LVMH Perfumes & Cosmetics (Россия) внесла 100 тыс. руб. Не хватает 180 тыс. руб.

В наш детдом Рита попала из дома ребенка. Она всех очаровала: говорунья, шустристая, умница! Родилась она с переломами ребер, плечевых, бедренных и тазовых костей. В год случилось до 20 переломов. Благодаря волонтерам в трехлетнем возрасте девочку начали лечить в Европейском медицинском центре (ЕМЦ). Кости окрепли, Рита подросла. Но терапия курсовая, не бросишь, а у нас нет возможности ее оплачивать. Если сейчас победим недуг, у девочки будет шанс найти семью. Надежда Хрыкина, директор детского дома №2, Москва.

Заведующая отделением педиатрии ЕМЦ Наталья Белова (Москва): «Несмотря на сложности, связанные с проживанием Риты в детдоме, нам удалось наладить регулярное лечение. Его действительно нельзя прерывать, это сведет все усилия на нет».

Аня Морозова, 13 лет, орбитальный гипертелоризм, аплазия (отсутствие) носа, спасет операция. 140 тыс. руб.

Внимание! Цена операции 200 тыс. руб. Фонд «Наша инициатива» компании «М.Видео» внесет 60 тыс. руб. Не хватает 140 тыс. руб.

От всей души благодарю Русфонд и его читателей, оплативших четыре операции моей дочери. Счастие, что мы встретили врачей, которые делают все, чтобы вернуть Ане нормальный облик, и вас, не оставшихся в стороне от беды. Врожденная патология не повлияла на интеллект: Аня легко и охотно учится, ходит в художественную школу, прекрасно рисует. Она общительная, но все реже выходит на улицу — прятается от насмешек. Самым очередную операцию не оплатит. Я торгую пирогами на рынке, другой работы нет. Муж стропальщиком на погрузке зарабатывает 12 тыс. руб. А детей двое. И я опять молю вас о помощи. Самое горячее мое желание, чтобы у Ани было такое же лицо, как у всех, чтобы она могла спокойно жить среди людей. Галина Морозова, Саратовская область.

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Мозговая грыжа раздвинула глазницы на уровень висков, нос практически отсутствует. Благодаря усилиям челюстно-лицевых и нейрохирургов нарушения устранены. Но по мере роста сузились носовые отверстия, нарушилось дыхание. Необходимо пластическое расширение носовых ходов».

Максим Тихов, 1 год, послеожоговые рубцы на ладони и пальцах, требуется операция. 230 800 руб.

В июле 2012 года мой сын ожог руки о печку. Ожог левой ладони 2-й степени, правой — 3-й степени. Скорая увезла малыша в больницу, там пересалили кожу на правую ладонь. Левая, к счастью, зажила сама. Процедуры, направленные на рассасывание шрамов, не помогли: грубые рубцы так стянули кожу правой ладони, что мизинец согнут и неподвижен. Максим ничего не делает правой рукой. Чтобы восстановить руку, нужен цикл операций. Пожалуйста, помогите нам их оплатить! Муж работает в МЧС инструктором, зарабатывает 20 тыс. руб. Старшему сыну восемь лет. Наталья Тихова, Ярославская область.

Заместитель главного врача больницы имени Н. В. Соловьева Юрий Филиппенков (Ярославль): «Необходима многоступенчатая хирургия: иссечение послеожоговых рубцов, пластика мизинца, пластика ладони кожными трансплантатами».

Алиса Дмитриева, 3 года, врожденный порок сердца, спасет операция. 215 тыс. руб.

Внимание! Цена операции 285 тыс. руб. Компания ТТК внесет 70 тыс. руб. Не хватает 215 тыс. руб.

Шумы в сердце нашей единственной дочке обнаружили на плановом медосмотре. Для нас это было потрясением, ведь никто из родни не страдает таким недугом. Алиса такая крошечная, худенькая и слабая, что я представляю ее не могу под скальпелем, бездыханной, с расщепленной грудной клеткой. Это стало моим кошмаром. Я слышал, чуть ли не половина полостных операций дает осложнения. Стал искать другой выход. И нашел! Из томского кардиолога ответили, что есть шанс закрыть порок сердца через сосуды, без вскрытия груди. Но операция по современным технологиям дорогая, мне, инженеру «Сибкавстрою», не по карману. Супруга сейчас не работает. Семья живет на мои 32 тыс. руб. Прошу отзывчивых людей о помощи. Сергей Дмитриев, Омская область.

Старший научный сотрудник Томского НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривошеков: «Множественные дефекты межпредсердной перегородки. Решение о возможности проведения эндоваскулярной операции мы примем лишь после тщательного обследования Алисы в нашем НИИ. Олимпийской чемпионкой она, пожалуй, не станет, но здоровой будет».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

ВСЕ СЮЖЕТЫ
rusfond.ru/pomogite

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи (Русфонд) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Б». Проверив письма, мы размещаем их в «Б», «Комсомольской правде» (Башкирия), «Северной Осетии», «Волжской коммуне» (Самара), «Тверских ведомостях», «Уральском рабочем» (Екатеринбург), на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», Здоровье@mail.ru, интернет-порталах «БИЗНЕС Online» (Татарстан), ufa.kp.ru и fondmarhamat.ru (Башкирия), «15 регион» (Северная Осетия), «Волга-Ньюс» и «Самарские родители» (Самара), ita.ru (Екатеринбург), Тверское информационное агентство, в эфире «Первого канала», телекомпаний «Алания», ТЕРРА (Самара), «Апрель» (Тверь), «Вся Уфа», а также Башкирского спутникового телевидения. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт и электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затаея понравилась: всего собрано свыше \$97,83 млн. В 2013 году (на 21 февраля) собрано 139 969 927 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; rusfond.ru; e-mail: rusfond@kommersant.ru; Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный), благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00. Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».